

Василь Быков. Одна ночь

1

"Юнкерсы" налетели внезапно.

Их тонкохвостые стремительные тени вынырнули из-за островерхих, разбитых минами крыш и обрушили на город неистовый громовой рев. Оглушенный им, автоматчик Волока замедлил бег, присев, втянул голову в плечи и на несколько секунд сжался под все нарастающим визгом бомб. Вскоре, однако, сообразив, где спасение, боец метнулся на заброшенный мусором тротуар и очутился под чугунной решеткой, тянувшейся вдоль улицы. Несколько долгих мучительных секунд, прильнув к раскаленному асфальту, ждал...

Бомбы разорвались за оградой.

Земля со вздохом, тяжело содрогнувшись, тугая горячая волна ударила Волоку в спину, что-то коротко и звонко звякнуло рядом, и сразу же улица, дома и вязы в сквере окутались клубами серой пыли.

"Полутонные, не меньше", - подумал Волока, сплевывая песок. Вокруг по тротуару, в сквере и на мостовой брякали обломки камней, шлепались слитки асфальта, взметнув высоко в воздух, не спеша просеивалась туча земли, и в ней, медленно оседая, густо мельтешила листва акаций. Где-то вверху простучал пулемет, тотчас от серого исцарапанного осколками здания брызнула штукатурка, и большая, с бобовый струк, желтая пуля, цокнув по камням, бешено завертелась на тротуаре. На очередном заходе снова ревели пикировщики.

Надо было бежать дальше.

В сквере среди еще не осевшей пыли уже замелькали полусогнутые

пропотевшие спины бойцов, кто-то перескочил через решетку ограды и бросился на противоположную сторону улицы. По темной латке на плече Волока узнал сержанта, командира отделения из их взвода. Обрадованный, что впереди есть свой человек, боец вскочил и, пригнувшись, пустился следом.

Сержант в несколько прыжков перебежал улицу и под новый рев пикировщиков нырнул в подворотню. Волока же немного отстал. Позади грохнул взрыв, и когда он, запыхавшись, влетел под спасительные своды подъезда, то от неожиданности едва не вскрикнул: со двора прямо на него выскочили два немца. Волока споткнулся, шарахнулся было назад, но и немцы тут, видно, не ждали его. Передний что-то бормотал заднему, на мгновение в его расширенных глазах блеснули испуг и удивление. В то же мгновение Волока, не целясь, нажал на спуск - автомат содрогнулся от беспорядочной очереди, - немец выпустил из рук карабин и упал лицом на мостовую. Его новенькая, меченная альпийской эмблемой каска, громко звякая, криво покатила по тротуару.

Куда исчез задний, Волока не увидел.

Вокруг грохотали взрывы, где-то со стоном рушилось здание, в подворотню хлынули клубы рыжей кирпичной пыли. Волока пригнулся, перескочил через откинутую руку немца, на которой еще дергались костистые с перстнями пальцы, и сунулся в настежь раскрытую дверь. Внутрь и вниз тут сбегали ступеньки, в спешке Волока промахнулся ногой и торчком полетел в темноту. Опережая его, в полумраке загремел его автомат.

Так боец очутился в подвале.

Тут было тихо и темно. Прохлада бетонного пола сразу охладила разгоряченное тело. Потирая ушибленные колени, Волока прислушался, медленно встал, ступил раз, второй, наклонился, отыскивая на полу оброненное оружие, и от неожиданности вздрогнул: пальцы его наткнулись на что-то пыльное, теплое и, несомненно, живое. Волока как-то не сразу сообразил, что это сапоги, которые тут же рванулись из-под его рук, и тут

что-то тупое и тяжелое ударило бойца в спину. Волока ахнул от боли, но не упал, а взмахнув обеими руками, сгрел в темноте чьи-то ноги. Сознание пронзила догадка: немец!

Немец не удержался, свалился наземь, но руками успел охватить Волоку за голову. Иван напрягся, пытаясь вырваться, но напрасно. Враг все ниже пригибал его голову и, шаркая по полу подкованными сапогами, старался одолеть его. Но Иван, уже придя в себя от испуга, уцепился за одежду немца и, нащупав подошвами опору, всем телом толкнул врага.

- Ы-ых!..

Они оба тяжело рухнули на пол. Иван, задыхаясь от боли в подвернутой шее, почувствовал, как что-то под ним хрустнуло. Он теперь оказался наверху и, перебирая в темноте ногами, искал надежной опоры. Через минуту, а может и меньше, он с трудом высвободил голову и, сделав сильный рывок, распластал немца на полу. Еще не совсем уверенно, Иван почувствовал, что сильнее врага, только, видно, тот был проворнее или, может, моложе, ибо не успел боец поймать в темноте его цепкие руки, как те снова ухватили Волоку за горло.

Иван только крикнул от боли, в глазах блеснул желтый огонь. На минуту он обмяк, отчаянно захрипел, а немец, извернувшись, перекинул в сторону ноги и очутился наверху.

- А-а-а! Сволочь! Ы-ых!.. - хрипел Иван.

Он инстинктивно вцепился в руки, сжимавшие его шею, пытаясь во что бы то ни стало разомкнуть их, не дать цепким пальцам сдавить горло. После долгих судорожных усилий ему удалось оторвать одну руку, но вторая тотчас сползла ниже и ухватила за воротник его застегнутой гимнастерки.

Боец задыхался, Грудь распирало удушье; казалось, вот-вот хрустнут горловые хрящи, помутилось сознание, и Волоку охватил испуг оттого, что вот так нелепо дает умертвить себя. В нечеловеческом отчаянии он уперся в пол коленями, напрягся и обеими руками резко вывернул в сторону одну,

более мешавшую руку немца. Воротник гимнастерки затрещал, что-то глухо брякнулось о пол, немец засопел; бешено зашаркали по бетону его подкованные сапоги.

Волоке стало полегче. Он высвободил шею и, кажется, начал одолевать немца. На смену отчаянию в сознание ворвалась злоба, мелькнуло намерение убить - это придало силы. Барахтаясь и сопя, он нащупал ногами стену, уперся в нее и всем телом надавил на немца. Тот снова оказался снизу - Волока, мыча от злорадства и ярости, наконец добрался до его жилистой шеи.

- И-и-и-э-э! - мычал немец, и Волока чувствовал, что побеждает.

Его противник заметно сбавил напор и только оборонялся, хватаясь за ожесточившиеся Ивановы руки. Волоке, однако, очень мешала сумка с дисками, которая попала под немца и ремнем, как на привязи, держала бойца. Волока снова утратил опору, куда-то пропала стена, ноги скребли по скользкому полу. Но он изо всех сил держался наверху и не выпускал из рук немца, который вдруг захрипел, рванул Ивановы руки, раз и второй, напрягся, стукнулся о бетон головой и неистово забился всем телом. Однако Иван приналег плечом, удерживая пятерней горло, и сдавил.

В этот момент наверху что-то стряслось.

Оглушительный взрыв туго ударил в уши, в бездну рухнуло черное подземелье, сотни громов и грохотов обрушились на людей. Удушливым смрадом забило грудь, болью пронизало голову, спину, ноги, что-то навалилось и придушило... Волока инстинктивно отпрянул от немца, вскинул над головой руки, беспомощно съежился, подставив обвалу потную, побитую спину, и от боли сжал зубы.

Грохот, однако, скоро утих, но тело Володи было сковано такой тяжестью, что нельзя было шевельнуться, и только в сознании билась короткая удивленная мысль: "Жив!" Но не было воздуха, и он задыхался от сернистого тротилового смрада, песка и пыли. Почувствовав, что задыхается, Иван рванулся из уготованной ему могилы, невероятным усилием что-то сдвинул с

себя, хватил глоток воздуха и раскрыл запорошенные песком глаза.

2

Удивительно, как он уцелел.

Вокруг уже не было прежней темноты, вместе с нею исчезла прохлада, было душно, и повсюду громоздились кирпичные и бетонные груды. Сначала Волоке показалось, что взрывом его отбросило куда-то в сторону от того места, где он дрался с немцем, но, взглядевшись в сумерки, боец узнал засыпанные щебенкой ступени, с которых он совсем недавно скатился сюда. Их было только шесть снизу, повыше, упершись ребром в лестницу, застряла рухнувшая с потолка бетонная глыба, наглухо загородившая выход. С другой стороны, наискось врезавшись концом в заваленный кирпичом пол, лежала причудливо изогнутая взрывом ржавая двутавровая балка. Упала она всего на каких-нибудь полметра ближе, вряд ли довелось бы теперь Волоке видеть ее.

Повернувшись, Иван высвободил из щебенки руки, приподнялся, однако ноги были еще крепко чем-то прижаты. Он повернулся на бок и попробовал встать. Ноги, кажется, были целы, руки тоже, только одна сильно болела в локте. Страхивая с себя песок и мусор, он вытащил из завала одну ногу, потом другую и сел. И тогда из груди его прорвался удушливый, неуправляемый кашель. Иван захлебывался в его приступе, грудь разрывалась, пыль и песок забились, видно, все легкие. Вздрагивая всем телом, он несколько минут кашлял и отплевывался и, только когда немного отлегло, снова осмотрелся вокруг.

Да, его крепко завалило тут. И лестницу, и угол, уцелел только закуток за ступеньками да каких-нибудь метра два стены возле выхода. Другая

сторона подвала, напротив двери, была вся завалена кирпичным ломом, бетонными глыбами, потолок покосился, потрескался; местами из его черных щелей торчала арматура.

Из одной такой щели в полутьму подвала, наверное с улицы, цедился тоненький солнечный лучик. В нем густо роились пылинки, и лучик едва пробивался до пола, бросая на кирпичный хлам тусклое пятно света.

Помотав головой, Волока вытряхнул из ушей песок и услышал, как глухими вздохами из-под земли донеслись сюда звуки войны: взрывы, далекий гул пикировщиков и приглушенные пулеметные очереди. Ивана это насторожило и озаботило, подумалось: надо быстрее вылезать, рота, наверное, уже ушла с этого места. Боец поднялся и, спотыкаясь в обломках, побрел к ступенькам. Там он осмотрелся, отыскал и вытащил из-под щебенки свой автомат, рукавом смахнул с него пыль. То, что нашлось оружие, несколько успокоило его; Иван отдышался и только теперь почувствовал, как сильно болит плечо. Впервые он вспомнил о немце. "Конечно, тому уже как, придавило где-нибудь в углу, слава богу, не пришлось душить гадину", - подумал Волока. К мертвому у Ивана злости уже не было.

Наверху снова приглушенно застрочили очереди, стреляли из "дегтяря" - Иван узнал бы его где угодно. Это подбодрило бойца, он встал, пригнул голову, ощупал нависшую над ступеньками глыбу, поднатужился, толкнул, однако та даже не шевельнулась - видно, сверху была крепко привалена чем-то. Но как же выбраться отсюда? Морщась от боли в руке, Иван сошел со ступенек, всмотрелся в темноту покореженного перекрытия. Нигде ни пролома, ни щели, чтобы можно было пролезть. Обрушивая щебенку, боец вскарабкался на груды обломков и начал ощупывать покосившийся потолок. Один кусок бетона там вроде шатался, но, видно скрепленный арматурой, держался прочно. Боец заглянул в щель, но там, кроме хорошо освещенных на изломе толстых краев, ничего не было видно.

Постепенно у Ивана стала зарождаться тревога - как выбраться отсюда?

Может, крикнуть, позвать на помощь? А вдруг там немцы? Кто знает, удалось ли нашим удержать сквер? Такая бомбежка, наверное, немало пособила немцам.

Он слез с завала, заглянул в темный угол лестницы - повсюду высилось пыльное нагромождение битого кирпича и бетона. Сколько ж надо перекопать его, чтобы добраться до какого-нибудь пролома?

Стоя, Иван встревоженно размышлял об этом, как вдруг в куче завала шевельнулся и скатился вниз кусок кирпича. Тотчас же еще несколько кусков скатилось с кучи. Иван насторожился и пригнулся, всматриваясь. "Вот тебе и на!" - уже без страха, охваченный одним только удивлением, произнес он про себя. Внизу, присыпанное щебенкой, серело плечо мундира, край черного, окаймленного галуном погона и до сих пор не замеченное в полумраке припорошенное пылью лицо немца. Его светлые с влажным блеском глаза напряженно, со страхом глядели на Ивана.

Волока весь внутренне сжался ("Ах ты, проклятый, уцелел!") и левой рукой подхватил за ствол автомат. Но прежнего страха уже не было, теперь Иван не очень боялся этого недобитого врага. Немец некоторое время неподвижно смотрел на бойца, а потом заворочался в завале. Лицо его при этом скривилось от боли; сдерживая стон, он обессиленно закрыл глаза.

"Убить!" - мелькнула мысль, и Иван привычно изготовил оружие. Это было так легко сейчас и так просто. Но, должно быть, эта легкость и сдержала решимость Ивана. Немец снова заворочился, стараясь высвободиться из-под обломков. "Ну, лезь, попробуй! Подойди! - говорил себе Иван, зорко наблюдая за каждым его движением. - Вылезешь, тут тебе и конец!"

Это был четвертый немец, попавшийся ему под руку. Первого он подстрелил в сорок третьем под Прохоровкой из окопа во время атаки. Тот упал на траву, повернулся, как-то удивленно посмотрел на Ивана и утих. Со вторым пришлось немного повозиться. Иван догонял его в окопе, немец стрелял из парабеллума, ранил его друга Макивчука. Это был офицер с кокардой, и Иван, загнав его в тупик, приколол штыком. Третьего застрелил сегодня в

подъезде. Теперь вот этот.

Но стрелять в лежачего и беспомощного было все же неловко, и Иван ждал, что последует дальше.

Только вылезть немцу было нелегко. Он вытянул из-под завала руку, покривился от боли. Затем застонал, остановил на Волоке долгий умоляющий взгляд и снова замер в бессилии.

"Ага, доняло, собака!" - проворчал Иван. Немец старался высвободить ноги, приваленные бетонной глыбой, и Иван, стоя напротив, наблюдал за его тщетными усилиями. Немец застонал, опустил голову, кусая губы. Его так явственно ощутимая боль почти физически передалась Ивану. "Наверное, переломаны ноги", - подумал Волока. Видя, что немцу не выбраться без посторонней помощи, Иван инстинктивно подступил ближе и, упершись каблуком, отвалил в сторону огромный плоский кусок стены.

Потом он удивился этому своему поступку, так как немец стал шевелиться свободнее, оперся о пол руками и постепенно вытягивал из-под завала ноги. Ага! Цел... Он уже оказался на свободе, но не спешил воспользоваться ею (видно, его крепко пришибло во время обвала), и Иван, скрывая в душе противоречивое, перемешанное с сочувствием злорадство, сдержанно наблюдал за врагом.

Опираясь руками о захламленный пол, немец некоторое время сидел, не в силах, видно, совладать со слабостью и болью. Собрав над переносьем запорошенные пылью брови, Иван ждал с автоматом наготове. Немец тем временем ощупал свою ногу в колене, шевельнул сапогом. Затем, чему-то удивившись, взглянул на Волоку и прислушался. С улицы глухо доносилась стрельба, прогремело несколько взрывов, сквозь щели в потолке просыпался песок. Посмотрев вверх и будто вспомнив о чем-то, немец торопливо встал и, прихрамывая, пошел к лестнице.

Иван не видел у него никакого оружия, знал, что никуда ему не вырваться отсюда, и потому спокойно сел на обломок стены, с превосходством

поглядывая на противника. Автомат он держал меж колен. "Ага, попробуй", - язвительно подумал боец, глядя, как немец толкает плиту над ступеньками. Тот старался, видимо, изо всех сил, но сдвинуть плиту не смог. Тогда немец обернулся, на его удивленном лице отразился вопрос, однако безучастно спокойный вид Волоки, наверное, дал ему понять, что выхода отсюда нет.

Немец вяло сошел со ступенек и сел, обхватив руками ногу. Иван с затаенным любопытством осмотрел его помятую, засыпанную пылью фигуру с ефрейторским шевроном на разорванном до локтя рукаве. Тогда же он впервые увидел у него на боку кобуру. Это заинтересовало и насторожило Ивана, появилась новая забота: что делать, когда враг ожил, да еще вдобавок ко всему с оружием?

Тем временем немец правой ногой снял с левой сапог, подвернул штанину и носовым платком стал перевязывать колено. Колено было разбито, кровь сочилась из небольшой, но сильно кровоточащей раны, и вскоре платок стал вконец мокрый. При виде раны и крови Иван вспомнил о своем потертом перевязочном пакете, который он уже месяц на всякий случай носил в кармане. Можно было и не давать, не так уж ему жалко было этого недобитого гитлеровца, однако какое-то человеческое великодушие толкнуло его помочь солдату.

Немец не ожидал помощи и заметно вздрогнул, когда в мусор возле его сапог шлепнулся небольшой пакет. Сперва он растерялся, но потом, видимо, понял, и глаза его сразу прояснились. Пробормотав "данке" и улыбнувшись, он поднял пакет. Лицо у него было уже немолодое, загорелый лоб густо изрезан морщинами, и над висками блестели залысины. На обветренных небритых щеках топорщилась светлая щетина.

Иван пристально смотрел на врага, не зная, как поступить дальше, и лишь инстинктивно чувствуя, что надо быть начеку. Немец закатал штанину повыше и стал осторожно забинтовывать колено. При этом он мерно покачивался, то и дело подставляя под пучок света щеку с широким косым рубцом возле уха -

давнишним следом осколка. Иван, увидев этот след, про себя улыбнулся: такой же рубец носил и он на левом боку - память о боях под Курском. Немец, в свою очередь, несколько озадаченно с заметным беспокойством поглядывал на Ивана.

Но долго рассматривать друг друга им не пришлось. Землю снова сотрясли взрывы: очевидно, пальнула "катюша" или шестиствольный немецкий миномет. Иван вскинул голову и напряженно прислушался. Немец застыл с натянутым у ноги бинтом и тоже ждал, уставив взгляд в потолок. Но взрывы постепенно утихли, ссыпались последние струйки песка из щелей, и снова стало спокойно и глухо. Один только лучик кривой дымчатой ленточкой скупо цедился в подземелье.

Эти звуки, однако, обеспокоили Ивана. Надо было что-то делать, как-то выбираться отсюда. И занесло же сюда этого немца! Но немец был беззащитен, подавлен и, кажется, изрядно пострадал при обвале. Иван держал в руках автомат, чувствовал себя уверенно и полагался на свою силу. К тому же он видел рядом не какого-нибудь самоуверенного гитлеровца первых дней войны, а пожилого, усталого и, очевидно, немало перестрадавшего человека. Хотя тот и молчал, нетрудно было предположить, что он чувствовал теперь, и только его солдатская форма не позволяла Волоке забывать, что перед ним враг. Поглядывая исподлобья, боец закинул за плечо автомат и полез по завалу к полуразрушенному, потрескавшемуся потолку.

Надо было искать выход.

3

Щели в некоторых местах были довольно широкие, в них кое-как можно

просунуть пальцы, но ухватиться там было не за что. Запрокинув голову, Иван долго разглядывал потолок, потом сильно надавил снизу обломок, возле которого цедился луч света. Из щелей сразу посыпались песок, щебенка. Морщась, Иван отвернул в сторону лицо и еще больше напрягся, чтобы как-нибудь расшатать плиту.

Ни на минуту не забывая о немце и искоса поглядывая вниз, он следил за каждым его движением. Немец сначала с любопытством смотрел на Ивана, затем несколько неуверенно встал. Иван сразу оставил плиту и взялся за автомат. Но тот добродушно улыбнулся и хлопнул по кобуре. "Найн, найн", - успокаивающе произнес он, махнув при этом рукой. Кажется, кобура у него действительно была пуста. Иван, однако, с недоверием, медленно опустил автомат и выругался про себя - у него снова зашевелилась неподвластная ему настороженность к этому человеку-врагу. А немец тем временем, взмахивая руками и сильно прихрамывая, взобрался на щебенку, задрал голову, осмотрел щели и в одном месте просунул в излом пальцы.

Две пары рук уперлись в один кусок бетона.

Очень странно было все это.

Если бы кто-нибудь рассказал Ивану такое - не поверил бы, но теперь все получалось как-то само собой, и он, пожалуй, ни в чем не мог упрекнуть себя. Всего несколько минут назад, не видя и никогда не зная один другого, они насмерть дрались в этом подвале, полные злобы и ненависти, а сейчас, будто ничего между ними и не произошло, дружно расшатывали кусок бетона, чтобы выбраться из общей беды.

Плита едва шевелилась - немного вверх, немного вниз, мусор из щелей продолжал сыпаться, и Ивану казалось, что ее удастся расшатать и выворотить. Время от времени украдкой он поглядывал на немца, который, вытянув руки, старался соразмерить свои движения с усилиями Ивана. Загорелое щетинистое лицо немца с сильно развитой нижней челюстью кривилось от напряжения и слабости: на переносье густо высыпали капельки

пота. Изредка он вытирал лицо рукавом. Его волосы, пропотевший воротник и плечо с оторванным погоном были густо усеяны пылью. Иван ощущал неровное дыхание немца, хруст щебня под его сапогами, и то ли от этой близости, то ли от слаженности общих усилий то враждебное, что все время жило в нем по отношению к этому человеку, начало помалу ослабевать. Неясно ощущая эту перемену в себе, Волока терялся, все еще чего-то не понимая.

Они дергали плиту минут десять, но та так и не поддалась им. Немец устало дышал, да и Иван уморился и наконец опустил руки. Тонкий, запорошенный пылью лучик упруго уперся в засыпанный пылью сапог немца.

- Зараза! - сказал Иван, озабоченно посмотрев в потолок. - Силенки маловато.

- Я, я, - тихо отозвался немец. Он также с сожалением оглядел потолок и неожиданно для Ивана произнес: - Мале силы.

Иван повел запыленными бровями, удивленно посмотрел на немца - понимает, черт!

- Что, форштей по-русски?

- Мале, мале, - сказал немец и улыбнулся. - Русска фрау... гражданка мале-мале училь.

- Гляди ты! Вот так фокус!

Иван спустился с кирпичной кучи, устало присел на конец согнутой балки и полез в карман - захотелось курить, "прояснить мозги". Автомат он все же держал меж колен. Немец, словно ожидал этой передышки, также с готовностью сел, где стоял, под самым лучом вверху. Раненую ногу осторожно вытянул перед собой.

- Фокус, фокус... Не знай, что есть такой, - говорил он, кривясь от боли.

- Эге! - впервые улыбнулся Волока. - Это, брат, не сразу и поймешь...

Заскорюзлыми пальцами боец развязал расшитый петушками кисет, достал сложенную гармошкой бумагу, оторвал на сигарку, насыпал и разровнял

махорку. Потом крутнул раза два тесемкой-завязкой, но остановился, исподлобья взглянул на немца и бросил ему кисет:

- Лови!

Немец, видно, не понял смысла слова, но все же возле самых сапог подхватил кисет.

- О, рус махорка! - сказал он и поочередно одной и второй ноздрей понюхал это незамысловатое солдатское курево. Потом неумело разобрал тесемки и как-то неуклюже свернул сигарку.

Прикуривали каждый в отдельности - Иван от спички, которая нашлась в его помятой, расплющенной коробке, немец - от зажигалки, искусно сделанной наподобие маленького блестящего пистолетика. Насладившись первой затяжкой, Иван внимательно посмотрел на немца.

- Так что же делать будем? Как выбираться?

- Я, я, - согласился немец. - Иди. Надо иди. Туда, навэрх, - показал он пальцем в надломленный, но еще прочный потолок.

- Чудак! - удивился Волока. - Конечно, наверх. Не вниз же. Но как вылезешь?

Неизвестно, что немец понял из этой фразы, но с какой-то особой заботой обвел взглядом стены, темный закуток за ступеньками, осмотрел потолок.

- Арбайт надо, - кивнул он головой в самый мрачный угол, заваленный кирпичным хламом. - Арбайт... Мнега арбайт.

- Арбайт, конечно... А ты кто? Рабочий или это... бауэр? - спросил Волока.

- Я, я, - поняв вопрос, радостно откликнулся немец. - Арбайт! Как это русски?.. Тышлер.

Не припомнив нужного русского слова, он обеими руками сделал такое движение, будто строгал доску, и Волока удивился.

- Столяр?

- Я, я, - подтвердил немец.

- Вот так фокус! И я тоже столяр! Я - столяр! - тыча себе пальцем в грудь, крикнул Иван, будто громко сказанные слова можно было лучше понять.

И все же немец, видно, понял, коротко улыбнулся сквозь дым и экономно дососал сигарку.

- Их хауз дом арбайт. Много, много хауз, - говорил он, делая какие-то движения в воздухе.

- И я это, хаузы строил, - сказал Иван и, показывая, положил ладонь на ладонь. - Срубы ставил. Русский угол. И немецкий рубили. Знаю...

- Гут, гут, - довольно закивал головой немец.

- Все знаю, да. Это еще ригель, рейсмус, наверно, ваши названия?

- Я, я. Ригель, рейсмус, - как эхо повторил немец знакомые слова. Потом он задумался и, выждав, пока Иван докурит сигарку, встал. - Надо иди! - подняв вверх палец, сказал он.

Иван тоже поднялся, взял в руки автомат, недоумевающе посмотрел на него, не зная, куда пристроить оружие, и, подумав, закинул его за спину.

Немец взобрался на самый верх завала, съежился там в темноте и начал бросать вниз обломки. Во всем его облике Иван не видел теперь ни тени былой враждебности, немец был прост, деятелен, по каким-то неуловимым признакам в нем чувствовался открытый, незлой человек, и это успокаивало.

Иван тоже влез на завал и, подавляя в себе остатки недоверия, спросил:

- Тебя как зовут?

Немец, не прерывая работу, повернул к нему запыленное лицо - он не понял вопроса.

- Зовут как? - громче повторил Иван. - Меня, например, Иван. А тебя? Ганс? Фриц?

- Фриц! Я, я, Фриц Хагеман, обер-ефрайтор, - обрадовавшись своей догадке, охотно объяснил немец и заулыбался. - Их Фриц, ду - Иван. Гут! -

И он снова засмеялся, собрав в мелкие морщинки немолодое лицо.

- Гут-то гут, - не поддаваясь его веселому настроению, сказал Иван. -

Только не очень. Вот вылезем, а тогда что?

На немца эти слова Ивана, однако, не произвели впечатления. Он по-прежнему старательно выдирал из груды куски потрескавшейся, разломанной стены и бросал их вниз. Иван пристроился рядом и, неловко согнувшись в темноте, принялся за то же самое.

4

Неизвестно, сколько времени прошло за этим их занятием. Они перебросали немало кирпичных обломков, под потолком можно было уже выпрямиться - там оказалась проломила, идущая куда-то вверх и в сторону, только ее сильно завалило кирпичным ломом. Яркий солнечный лучик из щели исчез, теперь оттуда робко проникало только маленькое пятнышко уличного света, и в подземелье царил полумрак. Постепенно привыкшие к темноте две пары глаз кое-что различали вблизи, и люди работали. Немец то и дело чихал, а Иван тяжело, удушливо кашлял. То, что они все же нащупали выход, немного обнадеживало Ивана, и он уже не думал, что погибнет так глупо. Однако в этой успокоенности появилась новая забота, которая все сильнее начала донимать его.

"Какая нечистая сила свела меня с этим?" - думал Иван. Правда, пока они находились тут и вместе выкарабкивались, Иван кое-как мог согласиться на какое-то товарищество, но как ему поступить, когда они выберутся наверх? И кто там сейчас - свои или немцы? Если свои, то еще полбеды: немца можно будет передать в плен. А если фашисты? Опять драться? Так не лучше ли застрелить его тут?

Но, думая так, Иван неясно ощущал в душе, что застрелить теперь этого

человека уже вряд ли сможет. Как стрелять в него, если между ними рушилось главное для этого - взаимная ненависть, если вдруг во вражеском мундире предстал перед ним самый обыкновенный человек, который и к Ивану относился уже не как враг, а как сообщник и друг? Кажется, это был совсем неплохой немец, и Иван даже ощутил душевную неловкость оттого, что недавно едва не задушил его. Все это было странно, непривычно. Порою Иван даже забывал, что они враги, и ему хотелось подробнее расспросить Фрица о столярном деле, хотелось сесть, покурить, мирно, по-хорошему поговорить.

Но тут же Волока опять начинал сомневаться. С виду-то немец вроде и неплохой человек, трудолюбивый, но кто знает, что у него на душе? Видно, все они хороши в плену или убитые, но кто же тогда принес столько горя людям, кто столько поубивал, пожег, разграбил, кто залил кровью весь мир? Да и что скажут хлопцы и начальство, если узнают, как он тут раскуривает моршанскую махорочку с этим фрицем? А если узнает капитан Воронов, полковой контрразведчик - молчаливый загадочный человек со скрытыми под бровями глазами? Как он отнесется к такому братанию, Волока мог предположить определенно, кое-что он уже слышал за полгода службы в полку.

Снова, порядком устав, они сели на кирпичную глыбу в углу и начали отплевываться. Волока достал кисет, насыпал в бумажку махорки и, придерживая ее пальцем, передал кисет немцу. Тот охотно взял. Когда Волока послушавил сигарку, немец услужливо щелкнул зажигалкой, дал прикурить ему, затем прикурил сам. Дрожащий, маленький, как искорка, огонек зажигалки постепенно рассеял мрак, осветил покореженный потолок, щели в кирпичной стене и два запыленных, усталых лица. При свете стало веселее, и Фриц не стал гасить зажигалку, а попытался приспособить ее в изломе стены. Зажигалка плохо держалась в щели, и Волока поднял с полу кусок кирпича.

- На вот, прищечи.

Немец взял обломок, но вдруг светлые брови на его лице дрогнули, и он со страхом в глазах прислушался. Иван тоже поднял голову - там, наверху

над ними слышались шаги: "топ... топ... топ..." Сквозь бетон донесся близкий, но глухой, невыразительный голос, что-то над ступеньками стукнуло и затихло: человек, видно, остановился или, возможно, отошел дальше. Иван вскочил - первым его желанием было крикнуть, отозваться, но в тот же миг он поймал на себе напряженно умоляющий взгляд немца и сдержался.

"Кто?" - такой вопрос промелькнул в сознании обоих и, конечно, каждый из них в эту минуту хотел своего. Эта минутная разобщенность желаний снова прежней враждебностью захлестнула Ивана. Однако усилием воли он подавил ее. Сразу, как только заглохли шаги, угасло и желание откликнуться - рассудок подсказывал, что надо молчать и выбираться из подземелья самим.

Они еще немного повслушивались в тишину, мертвея от чрезмерного внимания, затем немец вздохнул, как-то обмяк и начал не торопясь закреплять в стене зажигалку. Иван закашлялся, закрыв рот ладонями, - шагов больше не было слышно.

- Вот влипли так влипли, - не столько немцу, сколько самому себе сказал Иван, выдыхая в темноту табачный дым. Немец сидел, свесив с колен натруженные руки. Его недавнее оживление исчезло - видно, от работы или, может, от этой тревожной озабоченности.

- Война никс гут! - вдруг приглушенно, но с наболевшей уверенностью отозвался он, и Иван даже удивился: откуда такая перемена в настроении врага? - Война - шайза!

Немец сказал это с каким-то напряженным отчаянием в глазах, которые при низком косом свете зажигалки таинственно и угрожающе блеснули. Иван удивленно полураскрыл рот, со скрытой иронией посмотрел на соседа.

- Вот как: не гут! А где же вы раньше были? В сорок первом? Почему не турнули под задницу вашего фюрера? Вот и был бы гут.

- Фюрер - шайза! - строго объявил немец, видно только одно слово и поняв из длинной фразы Ивана. - Фюрер своляч! Фюрер эйнфахерменш никс надо, - сказал он и стукнул себя кулаком в грудь. - Фриц Хагеман никс надо

война. Хагеман надо фриден, надо киндер ауфциген, арбайт надо, хауз надо!

Шайза - война.

Иван понял не все, но догадался, что возмущало этого немца, только сочувствия к нему он не испытывал. Немец же, излив свой гнев, с минуту молчал. Иван тем временем докурил сигарку, бросил в угол окурок и наконец решился сказать о том, что все время его беспокоило.

- Слушай, Фриц. Вылезем туда, - он показал пальцем вверх, - давай плен.

Рус плен. А?

Немец внимательно выслушал, что-то понял, но с убежденной твердостью покачал головой.

- Никс плен. Плехо плен, Рус - энкеведэ, дойч - Сибирь. Пуф-пуф дойч.

- Никто тебя не будет пуф-пуф. Чего ты боишься? - загорячился Иван. -

Ты знаешь, сколько у нас ваших камаратов? Много-много камаратов плен.

Фриц снова вздохнул, невесело уставясь на огонек зажигалки, пристроенной в разломе стены. Появившись сначала в глазах, все его лицо омрачила печаль человека, который, сколько ни прикидывается, как ни обнадеживает себя, все же не может избавиться от точащей его заботы. Задумавшись о чем-то, он помолчал, затем расстегнул карман кителя и вынул оттуда бумажки. Перебрав их, нашел надорванный конверт с потертыми краями и достал из него фотографию.

- Майн фрау унд киндер. Дрезден, - сказал он, передавая карточку Ивану.

Тот бережно поднес ее к бледному свету из щели.

С карточки улыбочиво глядели на него женщина и трое малышей. Старший из них - босоногий парень в коротких штанишках, - стоял возле стула, девочка сидела на коленях у матери, средний, мальчик лет десяти с высоко подстриженным затылком, стоял возле старшего, зажав под мышкой тугой волейбольный мяч. На заднем плане был виден угол небольшого, но аккуратного домика с верандой под черепичной крышей, пышно одетого в густую листву виноградника. На минуту Иван впился взглядом в этот семейный

снимок, вспомнил свое жилище в деревне, под соломенной стрехой, с прохудившимися стенами.

- Ничего, ладная постройка, - вздохнув, заключил Волока, вспомнив своих дома - жену и двух дочерей, работавших теперь в колхозе. Писали недавно, младшая приболела, простудившись на пахоте в поле, как она там теперь?.. С горечью в душе он вернул карточку немцу.

- Драй киндер, - сказал Фриц, пряча в китель бумаги. - Плехо плен.

Фрау, киндер - концлагер. Плехо плен...

Иван все понял. Конечно, немцы не очень нянчатся со своими, не угодившими власти, за плен по головке не гладят. Но что же тогда им делать? Поудобнее усевшись на кирпиче и помогая себе руками, немец начал что-то объяснять.

- Фриц никс буржуй, Фриц арбайт. Марки мале, киндер много. Пролетар. Иван пролетар, Фриц пролетар. Цвай бедно человек.

- Ну почему бедный? Я не бедный, - обиделся Волока. - Что я, безработный какой? Я колхозник.

- Я, я, - согласился немец. - Плехо кольхоз. Кольхоз бедно.

"Что он тут меня агитирует? - начал мысленно злиться Иван. - Куда гнет?" Ему захотелось сказать что-то такое, что бы разом поставило этого немца на место, он не хотел поддаваться ему в споре, как не поддался недавно в схватке на полу этого подвала. Слово "бедно" теперь почти оскорбляло его, и он возразил с решимостью:

- Не знаю, где как, а наш колхоз был богатый. Миллионер был. Дома у нас еще лучше ваших! Что ваша черепица! Мы свои шифером крыли вот. И хлеба было завались.

Фриц внимательно выслушал Ивана и то ли не понял, то ли не поверил и упрямо твердил свое:

- Плехо рус кольхоз. Бедно...

Иван промолчал. Конечно, не просто было переубедить этого немца,

наверное прошедшего пол-России и навидавшегося всякого. Но и согласиться с ним Иван не хотел.

- Есть и плохие, - признал он. - Это там, где вы побывали да поразграбили.

Немец загасил в глазах недоверие и почесал затылок.

- Все было. До войны. Радио было. Лисапед. - Иван повертел в воздухе подобранными ногами.

- Рад, - догадался немец.

- Этот самый. Что ездят...

- Их имель крафтрад, мотоцикль, - объявил Фриц.

- Мотоцикл что, мотоцикл ерунда. Жена вот машину имела, "Зингер" называется.

- "Зингер"...

Немец вроде задумался, с новым смыслом поглядывая на Ивана, и тот с надеждой подумал: "Наверно, поверил. Пусть..."

- Фашизм никс гут, плехо фашизм, кольхоз мале-мале гут, - по-своему рассудил Фриц.

Недолго посидев молча, они снова принялись разбирать завал, вытаскивать крупные обломки, чтобы подобраться к пролому. Конца этой работе, однако, не было видно. За проломом оказалась другая стена, похоже, фундамент соседнего дома и перед ней до самого потолка все было забито бетонными обломками. Оба вконец изнемогли от усталости, наглотались пыли, и Волока зло выругался.

- Не там копаем. Надо еще где попробовать.

- Я, я, - согласился Фриц.

Передохнув внизу, Волока пошел ощупывать дальние закоулки этого подземелья. Зажигалка светила слабо, вокруг громоздились тени, и он ощупью наткнулся на какой-то обломок, косо торчавший с потолка. Это было чуть в стороне от того места, где днем пробивался лучик. Наверно, стоило

попробовать здесь. Иван окликнул немца, и тот перенес поближе свой крохотный светильник. Блеклый свет его тускло блуждал по неровному излому, Иван поднажал снизу, напрягся, - обломок тяжело подался. Светя одной рукой, Фриц другой тоже вперся в край обломка.

- Ахтунг, ахтунг! - вдруг предостерег он, и Иван ощутил его горячее дыхание возле уха. Там, сзади за спиной, висел его автомат, немец мог ухватить его, однако Иван уже не думал о том, все его мысли теперь занимали поиски выхода.

- Что там "ахтунг!". А ну двигай сильнее! Раз, два - взяли...

Тяжелый обломок сделал несколько ходов вверх и вниз, руки их начали его расшатывать больше, казалось им, на этот раз выход из подвала найден. Вдруг немец испуганно вскрикнул что-то, и серая глыба с шумом рухнула вниз. Зажигалка сразу погасла, и Волока, не сообразив, что случилось, свалился наземь, оглушенный ударом, разом погасившим все его чувства...

5

Нет, он не погиб - он жил, но окружающий мир доходил до его сознания через мучительный кошмар видений. Сначала казалось, будто он зажат в какой-то зубастой пасти, и оттого острая боль пронизывает его тело. Болела голова. Где-то там, в самой середине мозга, дергало, колело, резало; шевельнуться не было силы, и было очень обидно. Что-то жгло в спину, Ивану казалось, что он голый по пояс лежит на колючем жнивье, и осот со свежей стерней впиваются в его тело. Он хочет крикнуть, позвать соседа Трофима, который на лобогрейке жнет рядом, но крикнуть не может, у него отнялся голос. Через минуту, однако, оказывается, что это и не сосед вовсе, а

немец Фриц Хагеман и у него в руках автомат. Он ездит вокруг Ивана, круги лобогрейки сужаются, и Волока знает, как только все будет скошено, немец пристрелит Ивана. Предчувствие скорой гибели наполняет его сознание смертной тоской. Но он беспомощен, хочет пить, внутри у него все пересохло, и губы его пытаются шептать: "Пить..." Но его тут никто не слышит, с неба печет знойное солнце, которое затем начинает снижаться, приближаться к нему, и вот оно почему-то делается маленьким, не больше огонька зажигалки, этот огонек плывет куда-то в темноте, ничего не освещая, удаляется, временами исчезая вовсе. Ивана охватывает беспокойство, он не хочет терять огонек, который тем временем превращается в светлое пятнышко вдали. И вот в том месте грохает одиночный выстрел, его красный отблеск ослепляет Ивана, тот находит в себе силы вскрикнуть - очень обидно ему умереть в такой темноте, в одиночестве. Спустя несколько минут его слух, однако, начинает различать посторонние звуки, чье-то присутствие неподалеку и размеренный перестук водяных капель - словно в мартовскую капель под крышей. Иван уже видит в темноте тусклый отсвет воды, это обнадеживает, и он выдавливает из себя тихий стон.

Следующим его ощущением становится тихое касание чего-то прохладного к губам и к шее, вроде что-то живое скатывается за воротник, но губы вдруг оживают, во рту становится приятно, и он делает первый глоток. Иван поднимает веки, в глаза ударяет колющее сияние искр, мерцающих у самого лица.

- Тринкен, Иван, тринкен...

Ну конечно, это Хагеман, он поил его невесть откуда добытой водой, которая сразу вернула ему сознание. Иван перевел взгляд вверх и увидел в мерцающем свете зажигалки несколько странное, освещенное снизу лицо с волосатыми ноздрями, бровастым лбом, под которым мигали выпуклые желтоватые белки глаз. Взгляд их, однако, таил в себе добродушное сочувствие, и это успокоило Ивана.

- Тринкен, Иван, тринкен...

Вода прибавила бойцу силы, несносная жара внутри спала, только по-прежнему болела голова - словно раздувалась от тупой, идущей откуда-то из глубины боли. Иван снова закрыл глаза, отдаваясь этой непроходящей боли, как вдруг спохватился: где автомат? Обеспокоенно рванулся с пола, но руки немца тут же придержали его, настойчиво уложили обратно, и Волока подумал: наверно, теперь ни к чему беспокоиться, он в полной власти этого немца, который уже имел столько возможностей его убить. Но ведь не убил. Значит, ему можно довериться. Иван рукой дотянулся до колена немца и слабо пожал его. Фриц живо откликнулся, деликатно подобрал его руку и осторожно переложил на прежнее место.

Вскоре, однако, Иван заснул или, может, впал в забытие. Похоже, такое его состояние продолжалось долго, кошмарные видения терзали его с прежней силой, но боль в голове вроде бы унялась, или, может, он притерпелся к ней. Ему долго досаждали грачи, целая стая которых беспокойно вилась вокруг в поле над ним, беспомощно лежавшим с каким-то недугом, и он не мог отогнать их. Рядом, аккуратно сложенные, лежали его солдатские пожитки: котелок, вещмешок, шинельная скатка, и на этой скатке сидел самый большой черный грач, осмысленным, почти человеческим взглядом уставясь в него. Он ждал, и Иван понимал, чего он дожидается. Содрогнувшись от его намерения, Иван, однако, собрался с силами и очнулся.

В подвале стало светлее. Вдоль стены, где они выдирали плиту, громоздилась новая куча кирпича и щебня (видно, та, что обрушилась на Ивана), и над ней ярким светом блестела дыра. Волоку сразу охватило радостное желание, с помощью рук он поднялся, медленно повел головой, повязанной какой-то мокрой тряпкой, конец которой свисал возле уха. Вспомнив, что с ним произошло, он с благодарностью подумал о немце и оглянулся.

Фриц Хагеман сидел рядом, спиной прислонясь к обломку стены, и спал.

Голова его сонно склонилась на запыленное плечо, редкие волосы были взъерошены и тоже пересыпаны пылью, нижняя губа сонно отвисла.

Подле на бетонном полу стояла каска с остатком воды. Иван сразу потянулся к ней, но, взяв в руки, страдальчески опустил на землю. От каски сильно воняло потом, и его едва не стошнило. Это была немецкая солдатская каска, сотни которых валялись на поле боя, и бойцы их пинали ногами - окровавленные, простреленные - всякие. В углу за ступеньками темнело влажное пятно, и слышно было, как каплет там вода. Из трубы, что ли? - подумал Волока.

Иван сидел на полу и растерянно думал, как ему быть дальше. Конечно, надо вылезать, кажется, он смог бы теперь сам как-нибудь выкарабкаться через эту дыру, что ему немец. Пусть себе спит. Только... Только кто там, наверху? Стрельба вроде усиливалась, слышна была в одной стороне, потом в другой, где-то гроыхали разрывы мин. Но кто там? Наши? А если немцы? Если немцы, ему будет плохо с пробитой головой. Если же наши, без него перепадет немцу - нарвется на какого-нибудь молодого автоматчика и не успеет поднять и рук. Хлопцы теперь беспощадны к немцам, у многих свежие раны в сердцах, все может случиться.

Нет, придется, видно, выбираться вместе, сдать Фрица в плен, а там уж не его забота.

Рассуждая так, Иван сидел возле немца и оглядывал его, сонного, без особой враждебности, хотя уже и без прежней симпатии. Прошла ночь, из подвала появился выход, и все стало другим. Там было только его уставшее, немолодое лицо, подсвеченное тусклым огоньком из зажигалки, - теперь же перед ним сидел немецкий солдат в пропыленном, с оторванным погоном кителе, в характерных солдатских сапогах. Рядом валялась его каска с орлом у козырька, не хватало только немецкого автомата. ППШ Волоки лежал чуть дальше, и Иван по солдатской привычке потянулся к нему, подцепил за ремень и подвинул к себе. Магазин заскрежетал по бетонному полу, и немец вдруг,

прервав спокойное дыхание, проснулся.

Сначала он будто испугался, заморгал глазами, а затем, узнав Ивана, несколько удивленно сказал:

- О, Иван лебенд? Гут, гут.

Заметив, что боец подтянул поближе свой автомат, озабоченно повел бровями. В глазах его отразилось минутное беспокойство, но он подавил его и снова бодро, выразительно произнося каждое слово, сказал:

- Можно иди. Туда иди. Дверь туда их махен...

- Дверь?

Иван хотел улыбнуться, но в голове сразу кольнуло, и лицо его перекопилось.

- Больно?

- Ладно, - поморщился Иван. - Живы будем - не помрем.

Он не хотел показывать немцу свою слабость и, помогая себе руками, встал на ноги. Перед глазами расплылись багровые круги. Осторожно, с большим усилием он выпрямился, но не застонал, сдержался. Немного постояв так, шатко полез по щебенке к дыре в дальнем углу. Фриц хотел поддержать бойца, но Иван упрямо отвел его руку.

Хромая, немец подался туда же, первым пролез к дыре и заглянул вверх; за ним взобрался на щебенку и Волока. В это время где-то поблизости протрещала очередь, вторая, послышались голоса - кто-то крикнул, потом там, наверху, заговорили не тихо и не громко, но так, что слов разобрать было нельзя. Волока сжал челюсти, немец, приоткрыв рот, с обостренным беспокойством в серых глазах посмотрел на Ивана. Они ничего не сказали друг другу и на время замерли под пробоиной. Снова леденящий, как дыхание смерти, вопрос - кто? - пронесся в их головах.

Но разговор наверху прекратился - люди отбежали или замолчали, а еще через минуту донеслись длинные пулеметные очереди. Видно, с наступлением дня вчерашний бой продолжался, и Волоку охватило беспокойство.

"Туда, наверх", - показал он немцу. Фриц понял, коротко подтвердил: "Я-я" - и засуетился в поисках какой-нибудь подставки, чтобы удобнее подобраться к дыре. Он сложил один на другой несколько кусков бетона, примерился - было низко. Потом проковылял вниз, принес каску и положил ее сверху: теперь можно было ухватиться за край пролома руками.

Он подтянулся на руках, выглянул наружу, но в нерешительности тут же опустился. Снова на мгновение встретились их сосредоточенные, напряженные взгляды, и опять оба вслушались, стараясь определить, кто наверху. Однако определить было невозможно.

Тогда немец нахмурился, решительно наступил на каску, подтянулся и, упершись здоровым коленом в выступ, вскарабкался на перекрытие.

Несколько секунд он стоял там, оглядываясь, а снизу на него напряженно смотрел Волока. Иван с трудом держался на ногах, в глазах все кружилось, но теперь - он чувствовал! - решалось самое важное, и он с первой же секунды не хотел упустить этот момент. В душе Ивана нарастало ощущение тревоги, подумалось, что немец убежит и он останется один в этой яме. Волока уже почувствовал в себе невольную привязанность к этому человеку - теперь он был ему нужен, как бывает нужен в беде товарищ.

Немец, однако, никуда не бежал. Он переступил с ноги на ногу, осмотрелся, из-под его каблуков посыпался в подвал песок, и вот из дыры просунулась его рука.

- Иван, шнель! Бистро...

Волока наступил на каску, протянул навстречу руку, но немец недовольно взмахнул рукой - сперва он хотел перенять автомат. Иван снял с плеча ППШ, сунул его немцу и вдруг испугался. Однако немец не собирался в него стрелять - с солдатской бережностью к оружию он положил ППШ возле ног и просунул в дыру обе руки.

Напрягшись, Волока подал свои, немец крепко обхватил их, Иван уперся сапогом в стену, сжал зубы, чтобы не застонать, и боком перевалился через

край пролома.

Так они оказались наверху, среди развалин большого кирпичного дома. На уцелевшей стене второго или третьего этажа висела, покосившись, картина в позолоченной раме, рядом держался иссеченный осколками гобеленчик с лосями, выше, зацепившись за обломок перекрытия, торчала опрокинутая кровать с металлической сеткой. В разбитой раме раскачивалась на ветру форточка. Улицы отсюда, однако, не было видно - ее загораживала стена, рухнувшая внутрь дома. Огромной плахой она кособочилась из-под их ног, и над нею в просветлевшем утреннем небе тихо качались вершины вязов, под которыми вчера наступали автоматчики.

Оба они немного отдышались, вслушиваясь в доносившуюся с улицы стрельбу. Послышались и крики, только Волока не разобрал слов, а немец, вдруг встrepенувшись и размахивая руками, бросился по развалинам вверх. Он быстро оторвался от Ивана, который, с трудом переставляя ноги по кирпичному лому, брел вслед за ним. Фриц первым добрался до того места, откуда можно было спрыгнуть на улицу, на секунду его поджарая фигура четко вырисовывалась на фоне неба. И тут Волока отчетливо услышал чужие голоса:

- Хагеман! Хагеман! Ком! Ком! Хагеман!

Волока был готов к худшему, и все же в эту минуту его бросило в озноб. Он сжался, присел, а Фриц, обернувшись, с радостью на неожиданно просиявшем лице крикнул:

- Иван! Иван! Ком!

И намерился спрыгнуть, чтобы бежать туда, куда звали его товарищи.

- Стой! - негромко, но с затаенной решимостью произнес Волока. -

Стой!!!

На лице немца мелькнула растерянность, даже боль, а может, испуг, но он тут же взмахнул в воздухе руками и исчез по ту сторону развалин.

Иван сначала опешил от такой неожиданности, а затем, с усилием преодолевая слабость, заковылял по завалам туда, где исчез Фриц.

Хагеман отбежал недалеко. Вся улица была загромождена развалинами, и он перелезал через кирпичную глыбу совсем недалеко от того места, где появился Волока. Напротив, вдоль чугунной ограды сквера, отстреливаясь и пригибаясь, бежали немцы.

- Стой! - крикнул Волока, увидев Хагемана. - Фриц! Стой!

Немец вскинул вверх голову - лицо его, как показалось Волоке, сморщилось, будто от боли. И он на миг остановился, взглянул на Ивана, потом оглянулся на сквер, где, удивленные этой перекличкой с русским, замедляя бег, оборачивались к ним немцы. Но это длилось очень недолго. Сразу же там заклацали затворы, и зычный командирский голос огласил развалины:

- Хагеман, ком! Шиссен!

Фриц перевалился через глыбу, преграждавшую ему путь к своим, а Волока, почувствовав, что сейчас все кончится, и уже не думая о себе, а только желая отдать врагам этого человека, дал в него очередь. Пули с перелетом и недолетом взбили в обломках пыль и разлетелись в стороны.

Немец тотчас обернулся, в глазах его мелькнула звериная ярость человека, у которого не было выхода. Иван упал на груды кирпича, не сводя взгляда с немца, и увидел, как тот лихорадочным движением выхватил что-то из кармана и, размахнувшись, швырнул в него. Иван не сразу сообразил, что это граната, и только когда та упала поблизости, понял, что спастись поздно. Он лишь рванул к плечу автомат и нажал на спуск.

Очереди своей он не услышал, но в последнее мгновение заметил, как, прежде чем рухнуть наземь, крутнулся на ногах Фриц Хагеман. Почти одновременно с этим оглушительно грохнула рядом граната. Обжигающий удар стеганул Ивана по плечу, и все медленно потонуло в пыли, которая плотным, удушливым облаком накрыла развалины.

Пыль его и спасла.

Волока слышал, как немцы ударили из автоматов, несколько пуль

раскрошило кирпичи рядом, но он, пригнувшись, с неожиданной прытью рванулся назад, упал, снова вскочил, перекатился через большой обломок, обогнул дыру в глубокой воронке, из которой они выбрались минуту назад, и наконец спрыгнул во двор. По дорожке, вымощенной бетонными плитами, добежал до колючей изгороди, прорвался через ее цепкое густое сплетение и очутился в узком переулке.

Его сразу чуть не сбили с ног наши автоматчики. Гулко стуча подошвами, они выскочили из-за угла, видно, наперерез немцам, отступавшим вдоль сквера. Задний испуганно взглянул на его окровавленную голову, но промолчал, и Волока почувствовал, как жгучей болью налилось его плечо.

Автоматчики скрылись за поворотом, и заваленный обломками переулочек совсем опустел. Волока посмотрел в один конец его, в другой, отпустил автомат и, оберегая рассеченное осколком плечо, шатаясь, побрел туда, откуда бежали бойцы.

Вверху, в ясном весеннем небе, ухало, шипело, громыхало гулкое эхо боя. "Как же это? Что это?" - роились в голове Волоки смятенные мысли, и ему хотелось ругаться от боли и тупой несправедливости того, что случилось. Переполненный душевной сумятицей, он брел по середине разбитого бомбами переулочка и твердил в отчаянии:

- От же гады! От гады!..

1963 г.